

Часть 1.

Вопросы теории и методологии исследований геосистем разных рангов и типов

УДК 332.14:330.15+339.5

DOI: 10.35735/9785604968338_6

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСУРСНОГО СЕКТОРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 2013-2023 ГОДАХ

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В.,

Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные трансформационные факторы развития ресурсного сектора Дальневосточного федерального округа (ДФО) в последнее десятилетие, которыми стали политика ускоренного развития макрорегиона, включая ее пространственные новации по расширению состава ДФО, а также внешние шоковые проявления. Показаны результаты действия этих факторов на параметры отраслей ресурсного сектора ДФО в 2013-2023 годах.

Ключевые слова. *Ресурсный сектор, политика ускоренного развития, пространственные новации, внешние шоки, ДФО*

FACTORS OF TRANSFORMATIONAL DEVELOPMENT OF THE RESOURCE SECTOR OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 2013-2023

Antonova N.E., Lomakina N.V.,

Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk

Abstract. The article examines particular transformational factors in the development of the resource sector of the Far Eastern Federal District in the last decade, which were the policy of accelerated development of the macroregion, including its spatial innovations to expand the composition of the Far Eastern Federal District, as well as external shock manifestations. The results of the action of these factors on the parameters of the resource sector industries of the Far Eastern Federal District in 2013-2023 are shown.

Key words: *Resource sector, accelerated development policy, spatial innovations, external shocks, Far Eastern Federal District*

Введение. На наш взгляд, в период 2013-2023 гг. ключевыми трансформационными факторами, меняющими структурно-динамические характеристики ресурсного сектора ДФО, стали: реализуемые подходы и инструменты модели ускоренного развития Дальнего Востока; пространственные новации 2018 г. по расширению административно-территориальных границ Дальневосточного федерального округа; внешние шоки (не только экономической направленности) периода 2020-2023 гг. Далее рассмотрим их суть и отклик параметров, а также характер изменений и результатов трансформаций в ресурсном секторе макрорегиона.

Материалы и методы. На основе системного подхода проведен сравнительный динамический анализ институциональных воздействий на экономику ДФО и экономических показателей развития природно-ресурсных отраслей макрорегиона, что позволило выявить происходящие в них трансформационные изменения. Информационную базу исследования составили: нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней в сфере регулирования развития экономики ДФО, принятые в последние 10 лет; материалы государственной статистики; аналитическая и экспертная информация.

Результаты и их обсуждение. Модель ускоренного развития ДФО. Реализуемая в ДФО после 2013 г. новая экономическая политика (НЭП) направлена на ускоренное развитие макрорегиона. Одной из поставленных задач было изменение структуры экономики ДФО за счет стимулирования производств с более высокой добавленной стоимостью. Как ожидалось, это могло снизить роль ресурсных отраслей и тем самым создать возможности ослабления преимущественно сырьевого характера развития экономики макрорегиона в перспективе. Инструментами реализации НЭП стали особые организационно-правовые режимы (территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток), прямая господдержка из федерального бюджета значимых для экономики региона инвестиционных проектов для решения инфраструктурных проблем, предоставление статуса регионального инвестиционного проекта с набором соответствующих налоговых и административных преференций и т.д.

Результатами реализации НЭП стал значительный рост объема инвестиций в регионе, но их отраслевая структура не только не изменилась, но стала иметь еще более сырьевой характер. Механизм ТОР оказался наиболее востребованным у инвесторов в сфере ресурсного сектора – в большинстве регионов ДФО доля инвестиций в проекты ресурсного сектора после 2013 г. являлась доминирующей. Такая инвестиционная активность объяснялась предпочтениями инвесторов вкладывать средства в проекты, гарантирующие наиболее высокую коммерческую эффективность от вложенного капитала, к которым в ДФО относились, в первую очередь, разработка полезных ископаемых, рыболовство, лесная промышленность, и именно на эти виды деятельности пришелся основной объем инвестиций в ТОР. Кроме того, с интересами сырьевых компаний оказались связаны периодические изменения границ отдельных ТОР, появление в них новых, относящихся к сырьевым, видов экономической деятельности. В определенной степени, это можно считать признаком модификации новой модели развития ДФО в пользу формирования сырьевой ренты, что закрепляет сырьевой характер экономики макрорегиона, не стимулируя её диверсификацию [2].

Следует отметить, что добыча полезных ископаемых всегда была устойчивым драйвером инвестиционной активности в Дальневосточном регионе. В период реализации преференциальных режимов эти тенденции только усилились [8]. Об этом свидетельствует сравнение данных государственной статистики [6] об изменении отраслевой структуры валовой добавленной стоимости дальневосточных регионов до начала реализации государственной политики ускоренного развития ДФО (2013 г.) и через 10 лет ее действия (2022 г.). (рис. 1).

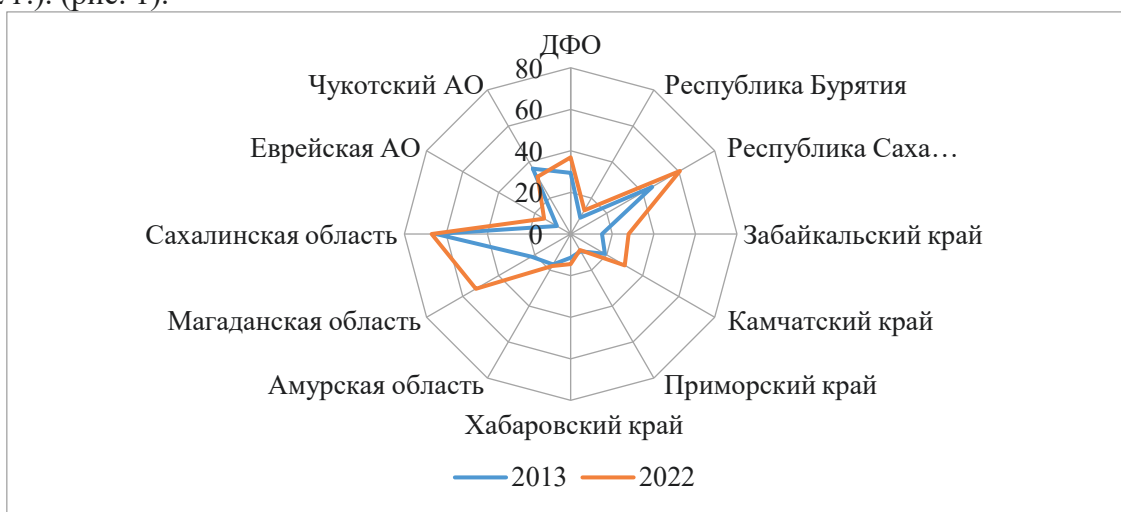

Рис. 1. Доля природно-ресурсного сектора в валовой добавленной стоимости регионов ДФО в 2013 и 2022 гг., %

Результатом этих преференций стал дальнейший рост ресурсного сектора в структуре экономики Дальнего Востока, что в определенной мере проектирует и перспективную структуру экономики макрорегиона.

Пространственные новации. Расширение в 2018 г. территориально-административной структуры ДФО за счет Республики Бурятия и Забайкальского края (указ Президента РФ от 3 ноября 2018 г. № 632) стало одной из новаций политики ускоренного развития, необходимость которой определялась легитимизацией инструментов и механизмов преференциальных режимов на этих территориях. Такое изменение объекта управления внесло определенные коррективы в характеристики его потенциала, экономической структуры, в выявление новых проблем и возможностей. Все это, безусловно, относится и к природно-ресурсному сектору. И Республика Бурятия, и Забайкальский край обладают значительными природными ресурсами. Соответственно, с присоединением этих территорий с точки зрения природно-ресурсного потенциала позиции ДФО в общероссийском природном богатстве изменились.

В результате изменения количественных и структурных характеристик «нового» минерально-сырьевого комплекса (МСК) ДФО сформировались иные оценки его значимости в национальном МСК. Так, после 2018 г. к отраслям национальной специализации Дальневосточного макрорегиона относятся традиционно не только добыча алмазов, золота, серебра, олова, но также и урана, вольфрама, свинца и цинка (с существенным ростом доли ДФО в их запасах и добыче на национальном уровне). Запасы этих видов минеральных ресурсов (включая медь) являются либо определяющими (от 30 до 50%), либо формирующими (свыше 50 и до 100%) национальную минерально-сырьевую базу стратегического сырья [7]. Новые количественные оценки важны и потому, что меняют качественное представление о МСК ДФО – сектор перестаёт быть моноресурсным (с преобладанием развития в реформенный период преимущественно отраслей по добыче драгоценных металлов) и создаёт основы для промышленной диверсификации экономики макрорегиона.

Что касается лесного комплекса (ЛК), то после присоединения к ДФО Республики Бурятия и Забайкальского края его параметры также изменились. В первую очередь следует отметить увеличение лесоресурсного потенциала и рост объема производства. В сравнении с показателями в «старых» границах ДФО площадь земель лесного фонда увеличилась на 13,6%, лесистость территории – на 2,0%, запас древесины – на 23,9%. В результате ДФО вышел в лидеры в России по запасам древесины и площади лесов, опередив Сибирский федеральный округ. За счет Байкальских регионов существенно, на 40%, увеличился объем производства и экспорта пиломатериалов. Кроме того, ЛК макрорегиона приобрел третий передел – целлюлозно-бумажное производство, представленное Селенгинским целлюлозно-картонным комбинатом (Республика Бурятия), который производит тарный и гофрированный картон, работает на внутренний рынок и на экспорт. В результате изменения административно-территориальных границ ДФО его лесной комплекс через 20 лет снова представлен всеми тремя переделами: лесозаготовительное производство, механическая обработка сырья и его химическая переработка [7].

Внешние шоки периода 2020-2023 гг. Для «нестандартных» кризисов последних лет (2020-2023 гг.) характерен отличающийся от традиционных кризисов набор внеэкономических шоков и последствий их воздействия. Однако, как показывает логика развития и результаты прохождения кризисов ключевыми отраслями ресурсного сектора Дальнего Востока, преимущественное влияние на формирование трендов оказывает набор традиционных фундаментальных факторов их развития.

Что касается кризиса 2020-2021 гг., вызванного мировой пандемией коронавируса, формами шоковых проявлений были остановка производства, падение спроса,

дополнительные затраты компаний и регионов в связи с санитарно-эпидемиологическими ограничениями, логистические и кадровые проблемы компаний и ещё целый ряд других.

Как показали результаты развития отраслей МСК ДФО в период «пандемийного» кризиса и их влияние на региональную экономику, наиболее существенными факторами воздействия стали: особенности внутриотраслевой структуры МСК макрорегиона (с преобладанием добычи золота в большинстве дальневосточных субъектов РФ), динамика цен на золото, валютный курс, инвестиционная активность золотодобывающих компаний в предшествующие кризису периоды, состояние минерально-сырьевой базы. Сочетание этих фундаментальных факторов обеспечило в 2020-2021 гг. сохранение текущей динамики производства и вполне благоприятной перспективы для минерально-сырьевого комплекса ДФО [4].

В лесном комплексе ДФО перед началом пандемии произошло ухудшение параметров, что было связано с введением повышенных пошлин на древесину, неустойчивой конъюнктурой на лесном рынке КНР. «Пандемийный» кризис, который выразился в виде падения спроса на лесопромышленную продукцию из-за снижения экономической активности в Китае, ужесточения фитосанитарных требований к поставкам российской древесины, закрытия пунктов пропуска на российско-китайской границе, лишь усугубил уже сложившуюся кризисную ситуацию. Отчасти позитивное влияние на экономические показатели комплекса оказала валютная волатильность, сопровождавшая кризисные явления в России [4].

Однако, наметившийся выход из «пандемийного» кризиса оказался прерван ситуацией «тотальных санкций» 2022 г. Общими проявлениями санкционного кризиса стали: запрет экспорта из РФ ряда товаров (в т.ч. и сырьевых), серьезные «рестрикции» в банковской сфере, уход иностранных компаний из российской экономики (с соответствующими технологическими, сервисными, логистическими и инвестиционными последствиями), существенное укрепление рубля на начальных этапах.

На отрасли минерально-сырьевого комплекса, кроме общих санкций, был направлен целый ряд специальных ограничений, особенно в золотодобыче [3]. Тем не менее, логика формирования трендов в МСК ДФО за ряд лет (2019-2023 гг.) вполне сохраняется. Текущая динамика добычи полезных ископаемых в регионах ДФО в 2022-2023 гг. оказалась преимущественно позитивной, хотя и неравной (отрицательная динамика наблюдалась в Чукотском АО, Сахалинской области и др.). Позитивная динамика стоимостных показателей в МСК ДФО сопровождается сохранением и даже ростом физических объёмов производства продукции в ключевых подотраслях комплекса (золотодобыча, оловодобыча, железные руды и полиметаллы) [7]. В минеральном секторе ДФО удаётся сохранить не только стабильную динамику производства, но и инвестиционную активность. Это определило запуск в 2022-2023 гг. ранее начатых объектов МСК на Дальнем Востоке, а также благоприятные перспективы для других запланированных минерально-сырьевых проектов.

В лесном комплексе России в 2022 г. наиболее чувствительными шоками стали введение полного запрета экспорта необработанных лесоматериалов и санкционные ограничения. Для ЛК ДФО последствия санкций выразились в следующем: усилилась конкуренция на лесных рынках СВА со стороны экспортеров из центральной части России; обострились инфраструктурные ограничения из-за переориентации товарных потоков на восток; появились спросовые ограничения, связанные с запретом на импорт продукции деревопереработки в Японии. В 2023 г., несмотря на увеличение доходности в результате роста курса доллара, улучшения конъюнктуры на рынке КНР в связи с ослаблением ковидных ограничений, негативное действие санкционных шоков (закрытие рынков, ограничения в логистике, сокращение импорта оборудования и материалов) усилилось. В результате выросли убытки предприятий, что привело к снижению производственной активности в основных лесопромышленных регионах ДФО [7]. Для смягчения последствий

кризиса в отрасли российское правительство предложило развивать внутренний спрос, приняло ряд мер по его стимулированию, включая перевод муниципальных котельных на биотопливо, стимулирование развития деревянного домостроения и т.д.

Выводы.

1. Природно-ресурсный потенциал является современным конкурентным преимуществом ДФО. Реализуемые в макрорегионе после 2013 г. особые преференциальные режимы ускоренного развития способствовали существенному росту роли отраслей ресурсного сектора в экономике ДФО, что в определенной мере закрепляет в перспективе её сырьевой характер.

2. В результате пространственных новаций политики ускоренного развития ДФО в природно-ресурсном секторе ДФО выросли не только количественные показатели ресурсно-производственной базы, но и появились новые качественные характеристики. Так, минерально-сырьевой комплекс ДФО перестаёт быть моноресурсным сектором (с преобладанием развития в реформенный период преимущественно отраслей по добыче драгоценных металлов) и может стать основой для промышленной диверсификации экономики макрорегиона. Лесной комплекс ДФО снова стал представлен всеми переделами, включая лесозаготовку, механическую обработку сырья и его химическую переработку.

3. Для МСК ДФО в период кризисных шоков 2020-2023 гг. характерна преимущественно позитивная динамика и устойчивость, определяемая фундаментальными факторами его развития. Характеристики минерально-сырьевого комплекса ДФО являются вполне надёжной основой для его технологического разворота и диверсификации с формированием конечных стадий переработки минерального сырья в регионе в соответствии с государственными приоритетами политики технологического суверенитета РФ [5], что может стать новым фактором его трансформаций. Однако, ресурсный и технологический потенциал являются условиями необходимыми, но не достаточными. Особое значение для адаптации МСК ДФО к решению задач формирования технологического суверенитета имеет институциональный потенциал.

4. Для ЛК ДФО действие внешних шоков имело во многом опосредованный характер, в виде импульсов от последствий их введения в центральной части страны. Большее влияние оказали введенные для ЛК ограничения на экспорт, санкционный кризис лишь усугубил сформированную ранее институциональными новациями ситуацию. Внешний спрос пока остается определяющим для ЛК ДФО, при этом Китай все больше превращается в единственный для него лесной рынок. Меры господдержки ЛК, направленные на развитие внутреннего спроса на его продукцию, для регионов ДФО, имеющих низкую плотность населения, зачастую очаговый характер освоения территории, низкую емкость внутреннего лесного рынка [1], должны иметь системный характер для закрепления населения в макрорегионе.

Литература

1. Антонова Н.Е. Лесной комплекс Хабаровского края в поисках путей развития // ЭКО. 2023. № 11. С. 64–85. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-11-64-85>
2. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? / отв. ред. Н.В. Гальцева. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. 336 с.
3. Гальцева Н.В., Шарыпова О.А. Золотодобывающая промышленность России: санкционные шоки // Пространственная экономика. 2023. Т. 19. № 2. С. 70–93. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.2.070-093>.
4. Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) / отв. ред. О.М. Прокапало. ИЭИ ДВО РАН. Хабаровск. 2021. 200 с.

5. Ломакина Н.В. Потенциал структурных изменений экономики ДФО в контексте новой минерально-сырьевой политики России // ЭКО. 2023. № 10. С. 8–28. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-10-8-28.
6. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации в 2022 г.. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 29.02.2024).
7. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион /отв. ред. П.А. Минакир, А.Г. Исаев. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.
8. Региональный мониторинг: Дальневосточный федеральный округ / под ред. О.М. Прокапало. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019. 210 с.